КНИГА-ИГРА

КУРСАНТ ИЗ БУДУЩЕГО

Алексей Кукушкин

Книга-игра "Курсант из будущего"

«Автор»
2026

Кукушкин А. Н.

Книга-игра "Курсант из будущего" / А. Н. Кукушкин — «Автор», 2026

2051 год. Курсант Николай Бурлаков получает задание: выиграть Русско-японскую войну в эфирной матрице. Он вселяется в контр-адмирала Иессена и получает под командование шесть бронепалубных крейсеров типа «Богатырь» вместо трёх броненосных, теперь всё зависит от его решений.Это книга-игра. Ты — капитан, первый после Бога - как говорили тогда на флоте. В конце каждой сцены — морские слова-выборы: «Якорь» — рискнуть и принять бой, «Штурвал» — взять курс, «Клюз» — проскочить, «Корма» — уйти. Никаких кубиков, никаких отметок. Просто читай и выбирай, куда повернёт твой корабль.Впереди опасные острова: Хоккайдо и Отару, Цусима и Циндао, Порт-Артур и прорыв во Владивосток. «Варяг» Руднева, «Асама» Камимуры, австрийские броненосцы и японские миноносцы. Девять финалов: от «Русского Нельсона» до «Один в шлюпке».Алексей Кукушкин. «Курсант из будущего: броненосец Варяг». Книга-игра. Бесплатное дополнение к оригинальной книге: "Броненосец «Варяг»".

© Кукушкин А. Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сцена 1. «Задание» 5
Сцена 2. «Владивосток, 27 января 1904» 8
Сцена 3. «Настройки» 13
Сцена 4. «Хоккайдо» 16
Сцена 5. «Шторм» 19
Сцена 6. «Совещание капитанов» 21
Сцена 7. «Греве» 23
Сцена 8. «Подготовка» 25
Сцена 9. «Ночные учения» 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Алексей Кукушкин
Книга-игра "Курсант из будущего"

Сцена 1. «Задание»

Не столь отдалённое будущее. 2051 год. Невский проспект, май, свежая листва, девчонки в коротких юбках, и спортивного вида позитивный молодой человек в морской форме бодро шагает по тротуару, любуясь архитектурой.

На кителе красивой голограммой высвечено имя «Николай Бурлаков», но друзья зовут его просто «Флинт» — за пристрастие к пиратам и всему, что с ними связано. Курсант 2-го курса Морской академии международного ВМФ прибыл к начальнику кафедры капитану 1-го ранга Морозову Александровичу — подтянутому, но невысокому и властному мужчине. Начальник испепелил Николая своим взглядом, тяжёлым, но вдумчивым и серьёзным, и начал разговор, удобно расположившись в видавшем виды кресле, доставленном сюда из кают-компании какого-то крейсера, сданного в утиль. Николай стоял, вытянувшись в струнку, и чувствовал, как каждое слово руководителя проникает под китель, словно холодная игла.

— Добрый день, товарищ курсант, — произнёс Морозов, и голос его, негромкий, но твёрдый, заполнил кабинет. — Я в курсе Ваших успехов по командованию броненосцем «Князь Потёмкин Таврический» на первом курсе, во временной эфирной матрице. И хочу заметить, что, если бы не плюшки в виде мощных снарядов, знания произошедших событий и автоматов заряжания для 12-дюймовых орудий, не видать бы Вам победы над японцами, как своих ушей.

Николай только что, окрылённый похвалой, стоял и краснел. Он знал и чувствовал, что каждое слово руководителя — чистая правда. Вроде бы он и герой, но какой-то не настоящий. «Чем располагал, тем и справился, товарищ капитан 1-го ранга», — подумал он, но вслух ничего не сказал, только крепче сжал челюсти.

Александр Иванович подался вперёд, и в его глазах мелькнула искра, которую Николай уже видел однажды — перед первым заданием. «На этот раз задание усложняется, — продолжил он, переходя с места в галоп, — тебе даётся полная свобода действий на театре военных действий, но состав сил на этот раз настоящий. Берёшь временные ресурсы, которые находились во Владивостоке на начало 1904 года, и ваяешь любые корабли русского императорского флота — хоть броненосец, правда их там не было, можешь взять корабли и любой другой дружественной страны. В общем, крутись, вертись, как хочешь, но ты должен выиграть Русско-японскую войну. Не отдать пол Сахалина, как это произошло в реале, — территориями раскидываться недостойно защитнику Родины. Возможно, сохранить как можно большее количество офицеров и матросов на выбранных тобою кораблях, а также сохранить и сами корабли, не отправив их на дно морское».

Курсант Бурлаков поморщился: ему и так не хотелось ни пяди родной земли отдавать. Он подумал: «Хоть не на галеры сослали веслом махать, и то ладно. Разберусь как-нибудь, благо первоначальный опыт имеется». И вслух произнёс, вытянувшись в струнку: «Так точно, приложу все усилия, товарищ капитан 1-го ранга!» Щёлкнул каблуками, развернулся и вышел из кабинета, отправляясь навстречу новым приключениям.

В тот же миг в его нейроинтерфейсе загорелись все необходимые коды доступа в голографическую программу. Флинт, ощущая себя настоящим пиратом, не мешкая решил войти в эфирный центр, который занимается опытами в той самой исторической матрице.

Дорога до эфирного центра не заняла много времени. Пассажирский дрон, вызванный усилием мысли, доставил его из центра Санкт-Петербурга до Гатчины всего за десять минут. Взору Николая, пока он летел, открылись просторы родной страны, свежая листва, которая

красивым ковром в мае покрыла все деревья. Но мысли его во время перелёта были обращены на другой край света — на город Владивосток, состояния начала двадцатого века.

Что там было? Вспомнилась книга Валентина Пикуля «Крейсера», которую Николай много раз перечитывал, а также все библиографические записи, которые смог достать, да куча критики на решения русских адмиралов о дислокации кораблей русского императорского флота: «дескать, крейсера большие понастроили, пушки не в башнях, а в казематах, связи нет, толком-то и воевать не смогли». Придётся ему всё, что можно, поправить. Ладно, решил Николай, как говаривал Наполеон: «Стоит ввязаться в драку, а там посмотрим». Он откинулся в кресле дрона, и в голове его уже складывался план: шесть бронепалубных крейсеров, миноносцы, лёд, шторм, Хоккайдо.

Путь до места назначения прошёл быстро, и двери центра с приятной девушкой-андроидом на ресепшене отворились перед Николаем. Сигнализатор в лаборатории сообщил, что курсанту, во-первых, предоставлен доступ по всем нормам секретности «особой важности», а во-вторых, оборудование исправно и готово к работе. Всё здание сияло солидностью: красивые зеркальные стены с голограммами, вставками из дерева и образцами античного оружия, пол из ценных пород дерева и взмывающий в небо потолок. Всё было свежо и прекрасно. Андроид поинтересовалась в который раз, голоден ли курсант, есть ли какие замечания и пожелания. Тот не удостоил ответа андроида, даже взгляда, и устремился к эфирной капсуле для работы.

У него в мозгу висела мысль, как же выполнить задание, — наверняка начальник приготовил какую-либо подковырку? Разбирало Николая и любопытство, а также стремление лучше познакомиться с самым началом двадцатого века на краю империи. Что-то непонятное и недосказанное было в этом времени, что не указано в дошедших до нас источниках, слишком много совпадений и случайностей предстояло разобрать, причём неприятности доставались русскому флоту, а счастливые случаи — японскому.

Николай удобно устроился в кресле, которое само подстроилось под его крепкую фигуру, и компьютер предложил временные единицы посчитать в тоннах водоизмещения или валюте? Бурлаков вывел на табло стоимость кораблей, находящихся в гавани, конечно же, в золотых рублях. «Корабли-то русские, а как иначе?» — рассудил курсант, чувствуя, как в сиденье открылся режим вентиляции с ароматизацией. «Чёрт побери, мелочь вроде, а приятно».

Компьютер вывел данные, согласно которым стоимость кораблей, базирующихся на январь 1904-го года в порту Владивостока, составила 42 миллиона золотых рублей. Курсант — творец реальности — подумал: «Но, несмотря на такие гигантские затраты, война была проиграна, потерян броненосный крейсер Рюрик, посажен на камни сперва бронепалубный Богатырь, а затем подорвался на мине броненосный левиафан Громобой. В итоге, когда необходимо было заключать мир, в море могла выйти одна израненная Россия».

Недолго думая, хороший курсант молниеносно должен принимать решения, в том числе и важные. Бурлаков нажал на эфирном персональном компьютере клавишу — ПУСК. Бип, бип, — что-то пропищал компьютер и выдал ошибку: некорректные данные. Курсант 2-го курса задумался всего на секунду и стал вводить уже стоимость кораблей не в рублях, а в английских фунтах стерлингах — основной валюте того времени, а то из-за перевода в рубли могли случиться многочисленные ошибки.

Итого в распоряжении Николая на подбор кораблей для своего отряда оказалось временных единиц на 4 миллиона 327 тысяч 500 фунтов стерлингов. Николай Бурлаков по первому курсу своего обучения в морской академии был знаком с увлечением адмирала Макарова, самого активного адмирала русского императорского флота, безбронными судами и его работой «Броненосцы или безбронные суда?». С их помощью, по мнению Макарова, и была возможность выиграть войну на море. Курсант решил воплотить мечты Степана Осиповича в жизнь, пусть и в несколько другой реальности.

Ход размышлений Николая представлял собой следующую цепочку: «Если и броненалубный крейсер типа Богатырь был способен крейсерствовать в океане, то зачем строить монстроподобные Россию и Громобой, в два раза большие, при почти подобном количестве орудий в бортовом залпе, если можно увеличить число крейсеров, а значит, и количество орудий. Вероятно, это и составляет путь к успеху его миссии? Что произойдёт, если взять, например, три броненосца на имеющиеся в распоряжении средства? Японцы смогут всегда против наших трёх капитальных кораблей сосредоточить шесть своих броненосцев, серьёзно их повредить и добить своими миноносцами, коих у страны восходящего солнца было великое множество».

Соответственно, поддавшись таким умозаключениям, немного покопавшись в программе, недолго думая, загрузил в эфирное прошлое данные найденных кораблей и отправился следом, нажав кнопку — ПУСК.

Экран вспыхнул, и на нём появилась дата: «27-го января 1904 года». Календарь взял и сгорел как спичка, не оставив следов. Николай почувствовал, как холодный морозный воздух обжёг ноздри, и перед ним открылся мостик «Богатыря», а внизу, в гавани, покачивались шесть крейсеров.

Навигация (морские слова-выборы):

Якорь — сразу войти в 1904 год, в каюту Иессена, не проверяя настройки. Быстро, но риск. **Сцена 2. «Владивосток, 27 января 1904».**

Компас — сначала проверить настройки эфирного компьютера, убедиться, что все шесть «Богатырей» и миноносцы загрузились корректно. Медленнее, но надёжнее. **Сцена 3. «Настройки».**

Сцена 2. «Владивосток, 27 января 1904»

На отрывном календаре, вдруг ни с того ни с сего повисшим в пространстве перед взором курсанта, появилась дата: «27-го января 1904 года». После эффектного появления календарь взял и сгорел как спичка, не оставив следов.

Морозный воздух обжёг ноздри командующего Владивостокским отрядом крейсеров — Карла Петровича Иессена, чьим аватаром управлял в данный момент в этой реальности малознакомый нам курсант. Николай был не салага: за его плечами, на которых сейчас были вышиты золотые орлы, был опыт прохождения уже двух подобных миссий, пусть и более простых, но успешных.

Контр-адмирал Иессен, на момент вселения в него разума Бурлакова, был мужчиной в полном расцвете сил, происхождением из остзейских немцев, окончил в 80-е годы девятнадцатого века минный и артиллерийский классы, материальную часть подчинённых ему кораблей знал на ять. Исполнять сложную роль капитана боевого корабля Карл Петрович учился и на миноносцах 271 и «Адлере», изрядно нахлебавшись на них солёной водички.

Николай стоял на мостике флагманского бронепалубного крейсера «Богатырь», и холодный ветер, пахнущий углём и железом, бил ему в лицо. Он щурился как сытый кот на солнце, немного кайфовал, что вход в реальность получился, и был поражён реалистичности окружающего его мира.

На ровной воде, в гавани Владивостока, покачивались шесть крейсеров 1-го ранга, хорошо знакомого типа «Богатырь». Душе — как Бурлакова, так и Иессена — отрадно было видеть такое большое количество труб, башен и мачт родных крейсеров. Ощущение мощи и правильности действий его, Николая, в момент планирования всей миссии в эфирном компьютере поражали.

Карл Петрович прошёлся глазами по однотипным крейсерам, представшим его взору, и на них золотыми буквами было выбито: «Рюрик», «Россия», «Громобой», «Витязь», «Полкан» и «Богатырь». Чувство гордости переполнило Николая от присутствия такой мощной эскадры, а сотворил всё это он.

От размышлений Иессена отвлёк капитан «Богатыря» — Стемман Александр Фёдорович, чем-то похожий усами и бородкой на настоящего идальго. Он подошёл, поскрипывая начищенными сапогами, и спросил:

— Любуетесь мощью нашей эскадры?

Карл Петрович ответил вопросом на вопрос:

— Как не любоваться? Шесть бронепалубных крейсеров 1-го ранга — это какая же силища и перспективы, да ещё десять миноносцев в дополнение к ним, если получится договориться с начальником порта.

Александр Фёдорович заметил:

— Да ещё и верное решение принято МТК поставить не 6-дюймовые орудия, по два в каждой башне, носовой и кормовой, а одинарные 8-дюймовые орудия, подобные установленным на броненосном крейсере «Баян». Так как я полагаю, один удар 8-дюймовым снарядом стоит трёх 6-дюймовых снарядов?

— Смелое утверждение, Александр Фёдорович, — ответил Карл Петрович, думая: «Неужели я опять что-то накосячил?» — но позволю согласиться, перевооружение пришлось кстати, и когда встретимся с броненосными крейсерами японцев, сможем их больно укусить с новыми орудиями, так как и взрывчатки в 8-дм снаряде больше, и кинетическая энергия более солидная.

— Не укусить, — тактично заметил Стемман, в прошлом вахтенный начальник императорской яхты «Александрия» и старший офицер броненосного крейсера «Адмирал Нахимов», — а вести бой на равных, при лучшей точности наших орудий.

Тут только Николай увидел перед собой не стандартные крейсера типа «Богатырь», а модернизированные. Изменения заключались в том, что на них стояли башни, подобные установленным на броненосном крейсере «Баян», с одним 8-дюймовым орудием Обуховского завода.

Дело в том, что, когда эфирный компьютер спросил курсанта Бурлакова: «Какое вооружение ставить?», ему было без разницы, рассудив, что чем больше пушка, тем лучше, ткнул галочку в 8 дюймов, при выборе, какие пушки ставить в носовые и кормовые башни. Для орудий среднего калибра никакого выбора не было, так как место на палубе было весьма ограниченно. В принципе, ещё существовала возможность башни разнести ещё более кардинально, подобно тому, как это делалось на французских крейсерах, но в таком случае ухудшалась мореходность, так как корабль бы брал много воды носом.

Карл Петрович поинтересовался у капитана флагманского крейсера отряда, которым и являлся Стемман:

— Как долго нашим крейсерам принимать уголь?

— Каждый наш крейсер вмещает по 1200 тонн угля, итого на все шесть кораблей 7200 тонн, а запасы порта в 33000 тонн хватит нам на четыре боевых выхода. Ну а миноносцы свой запас в 60 тонн угля на каждый махом пополнят, только свистни, — ответил Александр Фёдорович, зная, что Иессен это тоже знает, но, видимо, для порядка спрашивает, хотя сам бы предпочёл рассуждения о новом театре или возможности предстоящей войны.

— Как Вы считаете, — уже контр-адмирал задал вопрос Стемману, — куда нанести первый удар крейсерами нашего отряда? Ведь это Порт-Артур приковывает к себе основные силы флота, а мы птицы вольные, можем и к Цусиме прогуляться, а можем и к берегам Японии.

Капитан «Богатыря» в неторопливой, раздумчивой манере предположил:

— Раз сейчас началась война, и война за Корею, то необходимо нам крейсерствовать между Японией и Кореей, для недопущения перевозки японских войск на материк. Так как именно этот вопрос становится для островной империи самым важным.

— У меня приказ, — разворачивая телеграмму и в сотый раз читая, процитировал его Иессен, словно сам пытаясь понять, что от него хотел наместник Алексеев, — отряду начать военные действия и нанести возможно более чувствительный удар и вред сообщениям Японии с Кореей.

Контр-адмирал Иессен, уже им управлял Бурлаков, отдал приказ флаг-офицеру Егорьеву созвать капитанов крейсеров к 18.00.

При собрании капитанов крейсеров Николай хотел объявить, что всей эскадре догрузить уголь до полного запаса и ночью, под треск льда и морозные звёзды, выйти в море. Бурлаков решил пока лично в город не выходить — некогда, хоть и очень хотелось поглядеть, что там и как.

Хорошо, что уголь грузили ещё с 28-го января, так как мощностей порта катастрофически не хватало, грузили всего по 20 тонн в день на корабль. И это при полном напряжении порта и экипажей крейсеров. В случае военной необходимости такой низкий темп может обернуться катастрофой.

Порт и город Владивосток был весь в движении: газетчики распродавали печатные издания с результатами ночной атаки Порт-Артура, всюду спешили экипажи на пневматической тяге, а также рутьеры — агрегаты, работающие на тепловой энергии, подобные небольшому паровозу на колёсиках. Портовые баржи подвозили к молодцеватым крейсерам тонны угля, воду и провизию, в недрах кораблей проверялись мины, снаряды, оружие. Но в то же время

пёкся хлеб, чистилась картошка, стояли вахтенные, где положено. Казалось, что этот отлаженный механизм, зовущийся флот, не может давать сбоев.

Ровно к 18.00 к трапу одновременно грозного и величественного «Богатыря», покрашенного серой краской, стали прибывать бравые и опытные капитаны с других крейсеров отряда. Контр-адмирал собрал всех в адмиральском салоне с роялем и буфетом, но выпить не предложил.

Смотря внимательно на лицо каждого: Стеммана, Арнаутова, Риценштейна, Дабича, Трусова и Тундермана, — Иессен самым серьёзным тоном обратился ко всем присутствующим с торжеством в голосе:

— Поздравляю, господа, с началом военной кампании. На нашу империю вероломно напали, что вполне в духе японцев, но Бог им судья, мы отстоим свою честь и честь Российской империи. В предстоящий выход в море к берегам Кореи хочу предостеречь от риска, особенно необоснованного, калеки нам не нужны. Мощности Владивостокского порта как ремонтной базы флота откровенно слабы. Кто будет повреждён, остальные крейсера, конечно, прикроют, но не бравируйте напрасно. Действовать приказываю отрядами в три корабля. С крейсером «Богатырь», на котором я держу свой флаг, вместе идут крейсера «Рюрик» и «Россия», младшим флагманом, если так можно выразиться, назначаю Николая Карловича, — и посмотрел уважительно на Риценштейна, обладавшего огромным опытом. — Соответственно, «Витязь» идёт во главе второго отряда, и «Громобой» с «Полканом» идут у него в кильватере.

Дабич и Тундерман переглянулись, подмигнув друг другу, поняв мысли, что Иессен заигрался в кораблики.

— Если встретим более сильного врага, чем мы, то будем отходить во Владивосток, более слабые противники, надеюсь, будут нами уничтожены.

Все присутствующие капитаны переваривали услышанное, предполагая, как лучше выполнить данный приказ и не подведут ли машины. Так как в своих командах, приученных к флотскому порядку, они были уверены.

— Предлагаю выпить шампанское за начало боевых действий и во славу государя императора, — произнёс Иессен, подняв бокал.

Капитаны крейсеров, поняв, что официальная часть закончилась, стали общаться друг с другом. Старшие офицеры на крейсерах своё дело знают, спуску никому не дадут, и всё идёт должным образом.

К контр-адмиралу подошёл Трусов с бокалом шампанского и спросил:

— Карл Петрович, как вы предполагаете, кого можем встретить в Цусимском проливе или же у восточного побережья Кореи?

— Думаю, все корабли первого боевого отряда японского флота находятся сейчас под Артуром, да и второго тоже. Мы можем повстречаться либо с четвёртым боевым отрядом адмирала Уриу, либо с пятым адмирала Катаоки. В любом случае наш отряд из шести крейсеров будет мощнее любого из японских, и в этом случае я отдам лишь один приказ — атаковать, и затем все вместе посмотрим на днища японских кораблей.

Николай Дмитриевич обратился к Иессену:

— Я с Вами, Карл Петрович, полностью согласен, но если успеют войти в строй броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга», и японцы включат их не в первый, а как раз в четвёртый и пятый отряды?

— Тем достойнее будет победа, Николай Дмитриевич. Один хороший противник против наших шести крейсеров — мы должны управиться, разделать его под орех. Шестидюймовую броню японских итальянцев наши 8-дюймовые орудия пробьют на 15 кабельтовых, а нам бояться нечего, брони у нас нет, а посему отсиживаться за ней не придётся и сражаться хоть с 30 кабельтовых, хоть с 10, нам всё едино. Вы мне лучше скажите, какой Вам крейсер более по

душе: «Память Азова», которым вы командовали в 1889 году, или нынешний бронепалубный «Рюрик», построенный как систершип «Богатыря»?

Евгений Александрович на миг задумался и ответил:

— Крейсер «Память Азова», конечно, красавец. Парусное вооружение, броневой пояс, но подвержен пожарам, особенно если сейчас по нему фугасами стрелять будут, и не так быстр, как «Рюрик». Мне, когда особенно мы шли с попутным ветром, иногда грезились рассказы о пиратах и дальних морях, под скрип бимсов, но это было так неспешно, что к текущему двадцатому веку это всё устарело. Тем более крейсер «Память Азова» нёс богатое убранство императорских кают, а мог бы ещё броню либо дополнительное вооружение.

— Кстати, о пиратах, любезный, — сказал контр-адмирал Иессен, — завтра побыть в этой роли придётся нам! Моральных угрызений нет, ведь государыня Екатерина запретила?

— Боже упаси, — ответил Трусов, — мы же на государевой службе и покараем этих наймитов англичан и американцев тем оружием, что государь император вверил нам в руки.

— Почему наймиты? Да и словечко какое-то подобрали странное, присущее больше какому-то революционеру, а не капитану 1-го ранга?

— Так они сражаются за деньги, басурмане, чувство долга у них не в почёте, — дополнил Трусов, — да и как их ещё-то назвать?

Капитанский фуршет продолжался где-то до 22.00, затем разъездные катера доставили слегка подвыпивших капитанов каждого на свой крейсер. Трубы на крейсерах задымили, иногда даже горящие угольки вырывались вверх, пытаясь стать звёздочками, машины заурчали, застучали, заворочались равномерно подшипники, поливаемые машинным маслом, и крейсера один за другим, словно чёрные лебеди, покинули уютную бухту — Золотой Рог.

Боевые корабли вырвались из надоевшего льда, предварительно расколотым ледоколом с красивым именем «Надёжный», который обходил туда-сюда вокруг каждого, потом сбегал до выхода из бухты, затем снова вернулся.

В это время курсант Бурлаков с орлами на погонах рассуждал: «В традиционной реальности отряд за последующие двадцать дней с 9 февраля по 1 марта дважды ходил к берегам Японии и Кореи, выдержал страшный шторм в ледяном море, когда даже стволы орудий забило льдом, но потопил лишь один пароход Наконура Мару водоизмещением 1000 тонн с грузом риса. Для целого крейсерского отряда успехи более чем скромные. Причём такие ерзания происходили, когда основные силы японской армии переправлялись в Корею, для действий против нашей доблестной армии, ещё не успевшей сосредоточиться и силы неприятеля знавшей лишь приблизительно».

У Николая всплыли в голове данные, подсказанные эфирным компьютером, что на острове Хоккайдо базировалась 7-я пехотная дивизия, а на острове Сикоку — 11-я пехотная, и на острове Кюсю, где с питанием дела обстояли хорошо, сразу две дивизии, 6-я и 12-я пехотные.

Курсант Бурлаков задумал нанести для начала непоправимый ущерб хотя бы 7-й дивизии японцев, как наиболее боеспособной, где другие офицеры проходили стажировку, упражняясь германской тактике ведения боевых действий пехоты при поддержке артиллерии. Для этих целей курсант решил совершить поход и разгромить два основных порта на острове Хоккайдо, который, будь наши предки немного расторопнее, вполне мог бы быть русским: Отару и Мураран. Больше мест на суровом северном острове, славящемся своим овцеводством, откуда была возможность перебросить эту дивизию, у противника не было.

Навигация (морские слова-выборы):

Якорь — идём прямо к Хоккайдо, к Отару, атакуем транспорты с ходу. Быстро, дерзко, но без разведки. **Сцена 4. «Хоккайдо».**

Компас — сначала зайти в бухту, переждать шторм, проверить чехлы на орудиях, потом к Отару. Медленнее, но надёжнее. **Сцена 5. «Шторм».**

Рында — собрать капитанов ещё раз, обсудить план атаки на Отару и Мууроран, распределить цели. **Сцена 6. «Совещание капитанов».**

Сцена 3. «Настройки»

Николай Бурлаков сидел в эфирной капсуле, и пальцы его, ещё не остывшие от холода петербургского мая, быстро бегали по сенсорной панели. Он решил не торопиться.

«Стоит ввязаться в драку, а там посмотрим» — это хорошо для Наполеона, но Наполеон, как известно, плохо кончил. Курсант 2-го курса Морской академии международного ВМФ, он же Флинт, за пристрастие к пиратам, уже имел за плечами две миссии в эфирной матрице и знал: если что-то не проверить сейчас, в 1904 году исправлять будет нечем.

Компьютер тихо гудел, переливаясь голограммами, и на экране медленно проступала схема будущего отряда. Шесть бронепалубных крейсеров типа «Богатырь» — «Рюрик», «Россия», «Громобой», «Витязь», «Полкан» и флагманский «Богатырь» — стояли в ряд, словно на параде. Николай пробежал глазами по характеристикам: 132 метра длины, 1200 тонн угля, 23 узла хода, по два 8-дюймовых орудия в носовой и кормовой башнях.

«Хорошо, — подумал он. — Но где миноносцы?»

Он ткнул в иконку «Лёгкие силы», и на экране всплыли десять миноносцев типа «Сокол»: 240 тонн водоизмещения, 26 узлов, одно 3-дюймовое орудие Кане, три 3-фунтовых орудия Гочкиса, три 15-дюймовых аппарата Уайтхеда. Николай поморщился. Он знал из книг, что эти скорлупки в реальной войне почти не пригодились — их берегли для обороны порта, а начальник порта Греве не отдавал их без личного разрешения.

«Вот она, подковырка, — мелькнуло в голове. — Начальник кафедры не зря сказал, что состав сил настоящий. Миноносцы есть, но они не мои».

Он вызвал справку, и компьютер подтвердил: миноносцы подчиняются начальнику Владивостокского порта, контр-адмиралу Греве Николаю Романовичу, и без его разрешения в операции использоваться не могут.

Николай откинулся в кресле и задумался. В реальной истории, как он помнил, Греве сменил Гаупта, и с ним ещё предстояло договариваться.

«Значит, — решил курсант, — надо будет либо сразу идти к нему, либо обходиться без миноносцев. Но без них крейсера — это птицы вольные, а не кулак».

Он вернулся к списку кораблей и заметил ещё одну странность. В графе «вооружение» напротив каждого крейсера стояло: «2 × 8-дюймовых орудия Обуховского завода в башнях Баяна, 8 × 6-дюймовых орудий Кане, 12 × 3-фунтовых Гочкиса». Николай нахмурился. Он помнил, что «Богатырь» в реальности нёс двенадцать 6-дюймовых орудий, а не восемь, и уж точно не 8-дюймовые в башнях.

«Это же я сам выбрал, — вспомнил он, — когда компьютер спросил, какое вооружение ставить. Я ткнул в 8 дюймов, потому что чем больше пушка, тем лучше».

Он усмехнулся своей простоте.

«А ведь Стемман в реальности предлагал именно это — один удар 8-дюймовым стоит трёх 6-дюймовых. Значит, я не так уж и ошибся. Но надо проверить, как это отразится на ходе. Восемь дюймов тяжелее, башни тяжелее, скорость может упасть».

Он запросил расчёт, и компьютер выдал: скорость снижается с 23 до 21 узла, но бронепробиваемость на дистанции 15 кабельтовых возрастает с 4 до 6 дюймов.

«Приемлемо, — решил Николай. — Японские броненосные крейсера имеют 6-дюймовый пояс. На 15 кабельтовых мы их пробьём».

Он уже собирался нажать «ПУСК», когда взгляд его упал на ещё одну вкладку — «Скрытые параметры». Николай открыл её и присвистнул. Там было три галочки, которые он не ставил.

Первая: «Историческая достоверность — 70%». Вторая: «Влияние на высшее командование — минимальное». Третья: «Риск внештатных ситуаций — повышенный».

Николай почесал затылок.

«Вот это уже интересно. Значит, даже если я выиграю бой, Алексеев или Стессель могут мне помешать. А внештатные ситуации — это, видимо, штормы, поломки, болезни. Что ж, по крайней мере, честно».

Он попробовал изменить настройки, но компьютер выдал: «Параметры заданы руководителем задания. Изменение невозможно».

Николай вздохнул.

«Ладно, — подумал он. — Значит, игра будет честной. Как в покер, где я знаю карты противника, но не знаю, какие карты придут на ривере».

Он закрыл вкладку и вернулся к главному экрану.

На главном экране мигала ещё одна иконка — «Личный состав». Николай открыл её и увидел список капитанов: Стемман Александр Фёдорович, капитан «Богатыря», опытный, но с амбициями; Арнаутов Андрей Порфирьевич, капитан «России», спокойный и надёжный; Риценштейн Николай Карлович, капитан «Витязя», опытный, но вспыльчивый; Дабич Николай Дмитриевич, капитан «Громобоя», потомок сербского рода, храбрый; Трусов Евгений Александрович, капитан «Рюрика», потомок древнего рода, знающий; Тундерман Павел Карлович, капитан «Полкана», молодой, но перспективный.

Николай улыбнулся.

«Хорошая команда. На таких можно положиться. Но у каждого свой характер, и с каждым надо будет договариваться».

Он вспомнил, как в реальной истории Трусов погиб на «Рюрике», а Стемман потом обиделся на Иессена за то, что тот пересел на другой корабль.

«Что ж, — решил Бурлаков, — постараюсь, чтобы в этот раз никто не погиб. А Стеммана надо будет убедить, что я не собираюсь его бросать».

Он закрыл и эту вкладку.

На экране осталась последняя иконка — «Временные ресурсы». Николай открыл её и увидел знакомые цифры: 4 327 500 фунтов стерлингов. Он уже потратил их на шесть «Богатырей» и десять миноносцев, но оставался ещё небольшой резерв — около 200 тысяч фунтов.

«На что их потратить? — задумался курсант. — Можно купить дополнительные снаряды, можно — запасные части для машин, можно — уголь сверх нормы».

Он вспомнил, что в реальной истории русские снаряды часто не взрывались, а японские — рвались отлично.

«Значит, надо купить хорошие взрыватели. И побольше снарядов для 8-дюймовых орудий».

Он быстро распределил резерв: 100 тысяч — на снаряды и взрыватели, 50 тысяч — на запасные части, 50 тысяч — на уголь. Компьютер одобрительно пискнул: «Оптимальное распределение».

Николай усмехнулся.

«Ну хоть в чём-то я молодец».

Он уже собирался нажать «ПУСК», когда в капсуле зазвонил зуммер. На экране появилось сообщение от Морозова: «Курсант Бурлаков, не забудьте: в 1904 году вас ждёт не только флот, но и люди. У них свои страхи, свои надежды, свои суеверия. Не пытайтесь командовать ими, как компьютерными моделями. И ещё: если что-то пойдёт не так, не бойтесь отступить. Иногда отступление — это не поражение, а манёвр».

Николай прочитал сообщение дважды.

«Понял, товарищ капитан 1-го ранга, — пробормотал он. — Люди, а не модели. Постараюсь».

Он закрыл сообщение и нажал «ПУСК».

Экран вспыхнул, и на нём появилась дата: «27-го января 1904 года». Календарь взял и сгорел как спичка, не оставив следов. Николай почувствовал, как холодный морозный воздух обжёг ноздри, и перед ним открылся мостик «Богатыря». Внизу, в гавани, покачивались шесть крейсеров. И где-то там, на другом конце света, его уже ждали Хоккайдо, Цусима, Порт-Артур и японский флот.

Навигация (морские слова-выборы):

Якорь — сразу идём к начальнику порта Греве, договариваемся о миноносцах. Без них крейсера — не кулак. **Сцена 7. «Греве».**

Рында — собираем капитанов, обсуждаем настройки и план, распределяем резерв. Команда должна знать, что мы задумали. **Сцена 8. «Совет капитанов».**

Клюз — не тратим время на разговоры, выходим в море с тем, что есть. Миноносцы — потом. **Сцена 4. «Хоккайдо».**

Сцена 4. «Хоккайдо»

Утро 11-го февраля 1904 года застало Владивостокский отряд крейсеров где-то у берегов острова Хоккайдо, красующийся своими заснеженными сопками.

Каперанг Стемман подошёл к вице-адмиралу, поглядел на орлов, что красовались на погонах, и подумал: «Когда же у меня будут такие же».

Затем произнёс:

— Изрядно штормит. Хорошо, что наша серия кораблей мореходная, и построена нашими земляками — германцами очень добротно. И вообще лютеране — немцы не зря руководят этой великой страной. Мы привыкли к порядку, ордунгу, так сказать. Что ваш род Иессен, что мой Стемман — всегда были опорой царя Готторп VI и Готторп VII.

Контр-адмирал, к удивлению Бурлакова и против его воли, кивнул собеседнику-немцу. Видимо, контроль со стороны курсанта был не стопроцентный, над чем приходилось задуматься.

Капитан флагманского крейсера продолжил свой монолог:

— Но сменим тему: на таком ветру обмерзают надстройки, а также очень большой верхний вес образуется на кораблях. Но ничего, пошлю матросиков, пусть уберут лёд с орудий и надстроек.

Николаю от такого националистского пассажа стало не по себе, и он подумал: «Кто они, эти остзейские немцы, и почему их так много на флоте?»

Уже вслух Бурлаков, кутаясь в адмиральскую шинель, приказал:

— Соизвольте приказать не только отдолбить лёд, несмотря на волны и холод, но и соорудить чехлы на орудия батарейной палубы, иначе вода попадёт и заледенеет, стрелять не сможем, превратимся в голубей мира.

Александр Фёдорович отметил про себя должную предусмотрительность командующего отрядом; подозвав мичмана Терентьева, приказал ему срочно взять матросов и парусину из запасов и изготовить на все орудия, которые заливает ледяной водой, чехлы, для предотвращения её попадания.

Приказ капитан Василий Михайлович кинулся незамедлительно исполнять.

По радио, которое с началом войны усиленно осваивали и добились в этом немалых успехов, данный приказ продублировали и на другие крейсера отряда. Ведомые корабли, по мере разбора приказа, высылали квиток о получении оного, и на всех крейсерах закипела работа.

Контр-адмирал к вечеру уже наблюдал на орудиях всех кораблей отряда в штормовом море чехлы на всех орудиях.

Крейсера существенно качало и валяло с борта на борт. Брызги летели во все стороны, но корабли упорно двигались экономической скоростью в десять узлов и по окончании двух суток, израсходовав примерно по сто десять тонн угля каждый, приблизились к порту Отару, затянутому дымкой.

Контр-адмирал, глядя в бинокль, удовлетворённо наблюдал погрузку четырёх больших чёрных транспортов в порту, на которых и рядом с ними, словно маленькие чёрные точки, суетились люди.

Издалека они казались муравьями вокруг погибшего трупа животного.

В голове у Бурлакова появилась информация, что японская пехотная дивизия образца 1904 года состоит из 13 000 человек. На его шести крейсерах было 3300 человек, и нанести ущерб можно было только точным артиллерийским огнём.

Состояло соединение японской императорской армии из четырёх пехотных полков по три батальона в каждом. В полку находилось по две тысячи шестьсот человек, или по восемьсот шестьдесят восемь человек в батальоне. Ещё имелись: кавалерийский батальон для связи и

разведки в триста шестьдесят человек, артиллерийский полк в составе шести батарей, четыре батареи сверх того (из них одна осадная), один сапёрный батальон, команда понтонёров, рота железнодорожных войск, отделение связи, административные службы и даже обоз, со всем необходимым на неделю ведения боевых действий.

Дополнительно включала дивизия и восемь тысяч человек военных рабочих. Работники могли и копать, и строить, и даже сражаться, но только с пиками в руках, так что боевая ценность была сомнительна.

Для перевозки такого внушительного хозяйства требовалось сорок больших транспортов, а погрузка одного транспорта занимала до двух суток, при налаженной организации. Впрочем, у японцев всё было налажено.

Только прибытие русских в эти планы не входило. В данный момент четыре морских левиафана заканчивали погрузку, и были полны солдат и вооружения, как гигантские ульи с пчёлами. Они как раз начали грузиться в тот момент, как Владивостокский отряд выходил из своей базы сквозь лёд.

«На Муроране возможно происходит то же самое, — пронеслась как молния в голове у Бурлакова, — и он отдал приказ всем крейсерам отряда начать стрельбу по чёрным, глубоко сидящим транспортам, прямо у причалов, намереваясь попутно нанести повреждения порту с его инфраструктурой, пока только 6-дюймовыми снарядами».

Тратить на эти цели 8-дюймовые снаряды из погребов башен он посчитал излишним и рассудил: «Вдруг ещё кто встретится, должно же быть прикрытие у этих транспортов».

И его интуиция не подвела. Впрочем, она не подводит любого человека, который периодически к ней обращается.

Транспорты под погрузкой с моря прикрывал 7-й боевой отряд адмирала Ямада Хикохачи.

В составе отряда находились: кургузенький броненосец «Фусо» постройки тридцатилетней давности, с ещё железной бронёй в 9 дм, но прошедший модернизацию и перевооружённый на скорострельную артиллерию, состоящую из шести скорострельных и дальнобойных 6-дюймовых орудий системы Армстронга, под командованием капитана 2-го ранга Кимуры Кокити. Броненосец являлся флагманским для контр-адмирала Ямада, командира 7-го боевого отряда.

Но перед бронепалубными крейсерами Владивостокского отряда из дымки тумана неспеша вышел хотя и старый, но самый настоящий броненосец. «Крепкий орешек» для орудий русских бронепалубных крейсеров.

Вторым по боевой мощи был крейсер с железным набором корпуса и деревянной обшивкой — «Такао», построенный ещё в далёком 1888 году. Брони на нём не было от слова совсем, как, впрочем, и на всех кораблях японского отряда, кроме «Фусо».

Безбронный корвет построили на самой заре развития японского флота, просто так, для опыта судостроителей и несения дозорных функций. Он нёс четыре 6-дюймовых, не скорострельных, орудия системы Круппа, а остальные корабли японского седьмого боевого отряда были 600-тонными канонерками, вооружёнными четырьмя 5-дюймовыми орудиями Армстронга каждая.

«Вообще для японского флота, — как знал Николай, — было характерно бережно относиться ко всем старым кораблям, как собственного флота, так и трофеям, и это очень правильно! Ветеранов ремонтировали, модернизировали и ставили те задачи, которые они могли выполнить. Например, им доступно было: траление, ретрансляция радиосигналов, дозорная служба, минирование, гидрографические работы и охрана водного района, разминирование. Все те задачи, что российский императорский флот возложил на миноносцы, канонерки и крейсера 2-го ранга, или просто не решал. В то время как старые корабли стояли в отстое или отправлялись для неосуществимой модернизации на Балтику. Причём все корабли русского вспомогательного флота работали на износ. С соответствующим результатом», — как успел

подумать Бурлаков, когда первые залпы орудий среднего калибра, начав пристрелку, оглушили его.

Но сквозь выстрелы контр-адмирал, чуть наклонившись к благоухающему одеколоном Стемману, произнёс:

— Мы оказались в нужном месте в нужное время. Отомстим за крейсер «Варяг», застигнутый японцами врасплох.

На флагманском крейсере «Богатырь» стали выстреливать флажные сигналы:

«Крейсерам Витязь и Полкан уничтожить транспорты и обстрелять порт».

Через небольшой промежуток:

«Крейсерам Рюрик, Россия и Громобой следовать за Богатырём, уничтожить 7-й боевой отряд японского флота».

Капитан «Полкана» Тундерман, стоя на своём мостике, когда вахтенный офицер доложил о полученном с «Богатыря» сигнале, произнёс:

— Да, не последовательный у нас адмирал: несколько дней назад приказывал тройкам действовать, а сейчас два и четыре.

И уже подумал про себя: «Неужели если я буду адмиралом после войны, у меня разума убавится?»

Но приказ есть приказ, и все корабли Владивостокского отряда крейсеров ответили, что сигнал разобрали.

Контр-адмирал получил доклад, что его приказ дошёл до подчинённых кораблей, и он произнёс:

— С нами Бог.

Из труб всех шести крейсеров усиленно пошёл дым, а у форштевней стал появляться бурун из тёмно-синих набегающих волн Японского моря.

Два корабля под славным Андреевским флагом направились в порт, резонно игнорируя возможность существования мин заграждения: их явно тут не ждали, да и японцы вели наступательную войну, а не оборонительную.

Четыре же корабля направились в другую сторону, навстречу с боевыми кораблями неприятеля.

Навигация (морские слова-выборы):

Якорь — идём прямо на «Фусо», принимаем бой в линии, не тратя времени на манёвры. **Сцена 9. «Бой у Отару».**

Штурвал — обходим «Фусо» с кормовых румбов, бьём по транспортам и канонеркам, а броненосец оставляем на потом. **Сцена 10. «Обход».**

Клюз — выпускаем миноносцы (если договорились с Греве) или идём на сближение под прикрытием дыма, чтобы сократить дистанцию. **Сцена 11. «Дым».**

Сцена 5. «Шторм»

Ночь на 10-е февраля выдалась такой, что даже бывалые матросы крестились и молчали. Ветер дул с норд-веста, волны шли крупные, и «Богатырь», флагман отряда, зарывался носом в воду так, что брызги долетали до мостика. Бурлаков стоял у планширa, вцепившись в поручень, и смотрел, как соседний «Рюрик» то взлетает на гребень, то проваливается вниз, словно качели. В голове у него всё ещё звучал приказ наместника Алексеева: «Нанести возможно более чувствительный удар и вред сообщениям Японии с Кореей». Слова были казённые, но за ними стояла простая мысль: пока японцы перевозят войска в Корею, их надо бить на море.

Стемман подошёл, держась за леер, и прокричал сквозь ветер:

— Лёд на орудиях, Карл Петрович! Снова!

Бурлаков обернулся. На батарейной палубе матросы, обмотанные шарфами, сбивали лёд с орудийных стволов. Ледяная корка нарастала за ночь настолько, что 6-дюймовые пушки Кане превращались в белые сосульки. Если так пойдёт дальше, стрелять будет нечем.

— Чехлы! — крикнул Бурлаков. — Прикажите соорудить чехлы из парусины! На все орудия, которые заливает!

Стемман кивнул и побежал к мичману Терентьеву. Через полчаса на всех шести крейсерах закипела работа: матросы резали парусину, сшивали её, натягивали на стволы. К утру орудия были укрыты, и Бурлаков, глядя на это, подумал: «Хоть что-то в этом мире зависит от меня».

К вечеру 11-го февраля отряд приблизился к Отару. Порт лежал в дымке, и в бинокль было видно четыре больших чёрных транспорта у причалов. Вокруг них суетились люди, как муравьи. Бурлаков знал: это 7-я пехотная дивизия, та самая, что считалась самой боеспособной в японской армии. Он отдал приказ:

— Крейсерам «Витязь» и «Полкан» — уничтожить транспорты и обстрелять порт. Крейсерам «Рюрик», «Россия» и «Громобой» — следовать за «Богатырём», уничтожить 7-й боевой отряд.

Тундерман, капитан «Полкана», получив сигнал, проворчал:

— Не последовательный у нас адмирал: то тройками, то два и четыре.

Но приказ выполнил. Крейсера развернулись, и через несколько минут первые залпы орудий среднего калибра оглушили море. Бурлаков, стоя на мостике, чувствовал, как дрожит палуба под ногами. Он смотрел, как «Витязь» и «Полкан» идут к порту, и как из дымки навстречу им выходит старый броненосец «Фусо» — кургузый, с железной бронёй, но всё ещё опасный.

— Мы оказались в нужном месте в нужное время, — сказал Бурлаков Стемману. — Отомстим за «Варяг».

Стемман, благоухающий одеколоном даже в шторм, кивнул:

— Отомстим, Карл Петрович.

Бой начался. «Богатырь» дал первый залп с дистанции сорок кабельтовых. Снаряды легли с недолётом, и боцман Исаков, стоя у орудия, закричал на комендоров:

— Что же вас укачало, кузькины дети? Целься точнее!

Второй залп лёг ближе. Третий накрыл «Фусо». Бурлаков видел, как на японском броненосце вспыхнул пожар, и как его капитан, Кимура Кокити, стоя на мостике, что-то кричал адмиралу Ямаде. Ямада, щурясь, отвечал:

— Наши тоже метко стреляют, да помогут им Боги. Курс пока менять не будем.

Бурлаков усмехнулся. Он знал из книг, что «Фусо» — старый корабль, и его броня не выдержит 8-дюймовых снарядов. Он приказал:

— Сосредоточить огонь на «Фусо»! Пока он не утонет, не отвлекаться!

И «Богатырь» вместе с «Рюриком», «Россией» и «Громобоем» начал методично вбивать снаряд за снарядом в старый броненосец. Через двадцать минут «Фусо» горел от носа до кормы, и было видно, как матросы прыгают за борт. Ямада, стоя на мостике, произнёс:

— На все воля Богов.

И отдал приказ отходить. Но было поздно: «Витязь» и «Полкан» уже разделались с транспортами и присоединились к основному отряду. Японские канонерки «Чокай» и «Майя» пытались прикрыть отход, но их 5-дюймовые орудия не могли тягаться с 8-дюймовыми русскими. Одна за другой они замолкали.

К вечеру всё было кончено. Четыре транспорта горели у причалов, «Фусо» тонул, «Такао» и «Цукуба» дрейфовали без хода, а канонерки «Чокай» и «Майя» выбрасывались на берег, чтобы не пойти на дно. Бурлаков, стоя на мостике, смотрел на это и думал: «Первая победа. Но это только начало. Впереди — Мурорaн, Цусима, Порт-Артур. И я ещё не знаю, что меня там ждёт».

Стемман подошёл и тихо сказал:

— Карл Петрович, «Витязь» получил торпеду в борт. Риценштейн докладывает: крен три градуса, но корабль держится.

Бурлаков кивнул:

— Пусть держится. Домой пойдём вместе.

Он посмотрел на запад, где садилось солнце, и добавил:

— А теперь — в Мурорaн. Там второй полк той же дивизии. Надо добить, пока они не опомнились.

Навигация (морские слова-выборы):

Якорь — идём прямо в Мурорaн, атакуем второй порт с ходу. Быстро, дерзко, но «Витязь» с торпедой в борту может отстать. **Сцена 12. «Мурорaн».**

Штурвал — сначала отходим мористее, чиним «Витязь», перегруппировываемся, потом идём в Мурорaн. Медленнее, но надёжнее. **Сцена 13. «Ремонт на ходу».**

Корма — возвращаемся во Владивосток, доложить о победе и привести «Витязь» в док. Победа есть, но Мурорaн останется нетронутым. **Сцена 14. «Возврат».**

Сцена 6. «Совещание капитанов»

Адмиральский салон «Богатыря» был тесен для шестерых капитанов, но они уместились. Стемман, Арнаутов, Риценштейн, Дабич, Трусов и Тундерман сидели вокруг стола, на котором стоял только кофейник и карта Японского моря. Бурлаков, в роли Иессена, обвёл их взглядом и подумал: «Вот она, команда. Каждый — характер, каждый — опыт. И каждого надо убедить, что мой план — не блажь курсанта».

Он начал без предисловий:

— Господа, завтра мы выходим к Хоккайдо. Цель — Отару и Муроран. Там грузятся транспорты 7-й пехотной дивизии. Если мы их утопим, японцы на месяц останутся без подкреплений в Корее.

Трусов, капитан «Рюрика», потомок древнего рода, поднял бровь:

— Карл Петрович, а не слишком ли дерзко? Шесть крейсеров против целого порта? У японцев там может быть прикрытие.

Бурлаков кивнул:

— Может. Поэтому я и собрал вас. Давайте решим, как действовать.

Стемман, капитан «Богатыря», подался вперёд:

— Предлагаю идти двумя отрядами. «Витязь» и «Полкан» — на транспорты. «Богатырь», «Рюрик», «Россия» и «Громобой» — на прикрытие. Если встретим броненосец, примем бой в линии.

Риценштейн, капитан «Витязя», покачал головой:

— А если это будет не броненосец, а два? У японцев есть «Фусо» и «Такао». «Фусо» старый, но с 6-дюймовыми орудиями. «Такао» — деревянный, но с четырьмя крупповскими пушками. Мы можем не справиться.

Дабич, капитан «Громобоя», хмыкнул:

— Николай Карлович, вы забываете, что у нас 8-дюймовые орудия. Они пробьют «Фусо» на пятнадцати кабельтовых. А «Такао» — деревянный, он загорится от первого попадания.

Тундерман, самый молодой из капитанов, сидел молча, но потом сказал:

— А я бы предложил не делить отряд. Идти всем вместе, бить по головному, а остальных рассеивать. Если японцы увидят, что мы слабее, они навалятся. А если мы покажем им кулак, они задумаются.

Бурлаков слушал и понимал: каждый прав по-своему. Он встал и подошёл к карте.

— Господа, я решил. Идём двумя отрядами, как предлагает Александр Фёдорович. Но с одной поправкой: если встретим «Фусо», я не буду тратить на него 8-дюймовые снаряды. Сначала — транспорты. Потом — броненосец. Иначе он уйдёт, пока мы с ним воюем.

Стемман кивнул:

— Разумно. Транспорты — главная цель.

Трусов добавил:

— А если «Фусо» попытается помешать?

Бурлаков усмехнулся:

— Тогда мы его утопим. Но не сразу. Сначала — транспорты.

Капитаны переглянулись. Риценштейн сказал:

— Что ж, Карл Петрович, вам виднее. Я согласен.

Дабич и Тундерман тоже кивнули. Трусов, помолчав, произнёс:

— Согласен. Но если «Витязь» получит торпеду, я прикрою его.

Бурлаков посмотрел на него и подумал: «Вот она, честь. Трусов знает, что «Витязь» слабее, и готов его защищать. На таких и держится флот».

— Договорились, — сказал он вслух. — Завтра в шесть утра выходим. К вечеру будем у Отару. Кто хочет сказать ещё что-то?

Тундерман поднял руку:

— Карл Петрович, а что с миноносцами? Они нам могут пригодиться.

Бурлаков поморщился:

— Миноносцы подчиняются Греве, начальнику порта. Без его разрешения я их не могу взять.

Стемман заметил:

— А вы попросите. Греве — человек практичный, он поймёт, что миноносцы пригодятся.

Бурлаков кивнул:

— Попрошу. Но если не даст — пойдём без них.

Совещание закончилось. Капитаны разошлись по своим крейсерам, а Бурлаков остался в салоне. Он смотрел на карту и думал: «Завтра — первый бой. И я не знаю, чем он закончится. Но я знаю, что мои капитаны — лучшие. И если я не сделаю глупость, мы победим».

Он налил себе кофе и добавил в него немного коньяку. «За победу», — сказал он вслух и выпил.

Навигация (морские слова-выборы):

Якорь — идём к Греве, просим миноносцы. Без них крейсера — не кулак, а растопыренные пальцы. **Сцена 7. «Греве».**

Штурвал — не тратим время на Греве, выходим с тем, что есть. Миноносцы — потом. **Сцена 4. «Хоккайдо».**

Клюз — сначала проверяем «Витязь» и «Полкан», убеждаемся, что они готовы к бою. Потом выходим. **Сцена 8. «Подготовка».**

Сцена 7. «Греве»

Утром 9-го февраля Бурлаков сошёл с катера на пристань Владивостока и зашагал к дому начальника порта. Город ещё спал, но в порту уже кипела работа: грузчики таскали мешки с углём, матросы драили палубы, а где-то за складами уже раздавался стук молотков. Бурлаков шёл и думал: «Греве — человек практичный. Ему не нужны ни слава, ни награды. Ему нужно, чтобы порт работал. Значит, и говорить с ним надо не о подвигах, а о деле».

Дом начальника порта стоял на холме, над бухтой. Греве встретил его на крыльце, в сюртуке, с чашкой чая в руке. Он был невысок, сед, с цепким взглядом человека, который привык считать каждую копейку.

— Карл Петрович, — сказал он, не здороваясь. — Слышал, вы собираетесь к Хоккайдо?

Бурлаков кивнул:

— Собираюсь. И мне нужны миноносцы.

Греве усмехнулся:

— Миноносцы? У вас шесть крейсеров. Зачем вам ещё и миноносцы?

Бурлаков ответил не сразу. Он посмотрел на бухту, где покачивались «Богатырь» и его собратья, и сказал:

— Затем, что крейсера — это кулак. А миноносцы — это пальцы. Они могут сделать то, чего крейсера не могут: подойти близко, выпустить торпеды, уйти. Если мы встретим японский броненосец, миноносцы отвлекут его, пока крейсера делают своё дело.

Греве помолчал, отхлебнул чаю и сказал:

— Резонно. Но миноносцы — это собственность порта. Я за них отвечаю перед Алексеевым.

Бурлаков шагнул ближе:

— Николай Романович, вы же понимаете, что если мы не остановим японцев сейчас, они придут сюда. И тогда вам придётся отвечать не перед Алексеевым, а перед самим государем. За то, что не дали флоту то, что ему было нужно.

Греве прищурился:

— Вы мне угрожаете, Карл Петрович?

Бурлаков покачал головой:

— Нет. Я вам предлагаю сделку. Я беру десять миноносцев. Если они вернутся целыми — я верну их вам. Если не вернутся — я напишу в рапорте, что вы сделали всё, что могли.

Греве долго смотрел на него, потом поставил чашку на перила и сказал:

— Ладно. Берите. Но я даю вам не десять, а восемь. Два оставлю для охраны порта.

Бурлаков кивнул:

— Согласен. Восемь — это больше, чем ничего.

Они спустились к пристани, где уже стояли миноносцы типа «Сокол» — маленькие, юркие, с двумя трубами и одним 3-дюймовым орудием. Бурлаков обошёл каждый, заглянул в машинное отделение, поговорил с командирами. Командиры были молодые, но глаза у них горели.

— Господа, — сказал Бурлаков, обращаясь к ним. — Завтра мы выходим к Хоккайдо. Ваша задача — прикрывать крейсера от атак японских миноносцев. Если увидите торпеду — уходите. Если увидите броненосец — отвлекайте. И не геройствуйте без нужды. Мне нужны живые моряки, а не мёртвые герои.

Командиры ответили хором:

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

Бурлаков усмехнулся:

— Я не высокопревосходительство. Я контр-адмирал. И я хочу, чтобы вы все вернулись.

Он вернулся на «Богатырь» к вечеру. Стемман ждал его на мостике.

— Ну что, Карл Петрович? — спросил он.

Бурлаков улыбнулся:

— Восемь миноносцев. Больше, чем я рассчитывал.

Стемман кивнул:

— Хорошо. Завтра выходим.

Бурлаков посмотрел на запад, где садилось солнце, и сказал:

— Завтра выходим. И да поможет нам Бог.

Переходы:

Якорь — идём к Хоккайдо всем отрядом, с миноносцами. **Сцена 4. «Хоккайдо».**

Штурвал — сначала проводим учения с миноносцами, чтобы они знали своё место в бою. **Сцена 8. «Подготовка».**

Корма — возвращаемся к капитанам, обсуждаем, как использовать миноносцы в бою. **Сцена 6. «Совещание капитанов».**

Сцена 8. «Подготовка»

Утро 10-го февраля выдалось ясным и морозным. Бурлаков стоял на палубе «Богатыря» и смотрел, как восемь миноносцев, вытянувшись в кильватерную колонну, выходят из бухты. Маленькие, юркие, они казались игрушечными рядом с крейсерами, но Бурлаков знал: в бою эти «игрушки» могут решить исход дела.

Стемман подошёл, держа в руках список:

— Карл Петрович, миноносцы вышли. Командиры — лейтенанты Пель, Максимов, Бахирев, Виноградский. Все молодые, но с опытом.

Бурлаков кивнул:

— Хорошо. Теперь надо провести учения. Пусть миноносцы атакуют «Богатырь», а мы попробуем отбиться.

Стемман удивился:

— Учения? Сейчас? Когда до Хоккайдо два дня ходу?

Бурлаков посмотрел на него:

— Именно сейчас. Если мы придём к Отару и начнём учиться там, будет поздно. Я хочу, чтобы каждый командир миноносца знал, что делать, а каждый комендор на крейсерах — как отбивать атаку.

Стемман пожал плечами, но приказ выполнил. Через час «Богатырь» и «Рюрик» вышли на внешний рейд, а миноносцы начали атаку. Бурлаков стоял на мостике и смотрел, как маленькие кораблики несутся к крейсерам, оставляя за собой пенные следы.

Первый заход был неудачным: миноносцы сбились в кучу, и «Богатырь» легко отбился учебными снарядами. Бурлаков поморщился:

— Плохо. Они не умеют маневрировать.

Второй заход был лучше: миноносцы разделились на две группы и атаковали с разных бортов. Но «Рюрик» всё равно отбился. Бурлаков покачал головой:

— Всё равно плохо. Они не используют дым.

Третий заход был почти успешным: миноносцы поставили дымовую завесу и под её прикрытием подошли на дистанцию торпедного залпа. Бурлаков улыбнулся:

— Вот это уже дело. Но всё равно — медленно. В бою у них будет не пять минут, а две.

Он подозвал Виноградского, командира одного из миноносцев:

— Илья Александрович, почему не использовали дым с самого начала?

Виноградский, молодой, но уже с орденом на груди, ответил:

— Не привыкли, ваше высокопревосходительство. В мирное время дым не ставили.

Бурлаков кивнул:

— Привыкайте. В бою дым — это жизнь. Если японец вас видит, он вас убьёт. Если не видит — у вас есть шанс.

Виноградский кивнул и побежал к своему миноносцу. Бурлаков повернулся к Стемману:

— Ещё раз. И пусть миноносцы атакуют до тех пор, пока не получится.

Учения продолжались до вечера. К закату миноносцы уже действовали слаженно: ставили дым, разделялись на группы, атаковали с разных бортов. Бурлаков остался доволен.

— Завтра выходим к Хоккайдо, — сказал он Стемману. — И я надеюсь, что эти учения не пропадут даром.

Стемман усмехнулся:

— Надеюсь, Карл Петрович. Но если честно, я не ожидал, что вы будете так серьёзно относиться к миноносцам.

Бурлаков посмотрел на него:

— Александр Фёдорович, я читал про эту войну. И знаю, что японцы выиграли её не только потому, что у них были хорошие броненосцы. Они выиграли её потому, что умели использовать миноносцы. А мы — не умели. Если мы научимся — у нас будет шанс.

Стемман помолчал, потом сказал:

— Что ж, может, вы и правы. Завтра увидим.

Бурлаков кивнул и пошёл в каюту. Он знал: завтра будет первый бой. И он хотел быть готовым.

Переходы:

Якорь — идём к Хоккайдо всем отрядом, с миноносцами. **Сцена 4. «Хоккайдо».**

Штурвал — сначала проводим ещё одни учения, ночью, чтобы миноносцы научились действовать в темноте. **Сцена 9. «Ночные учения».**

Корма — возвращаемся к капитанам, обсуждаем, как использовать миноносцы в бою. **Сцена 6. «Совещание капитанов».**

Сцена 9. «Ночные учения»

Ночь на 10-е февраля выдалась безлунной. Только звёзды мерцали над Японским морем, и «Богатырь», стоя на якоре в бухте, казался чёрным силуэтом на фоне чёрной воды. Бурлаков стоял на палубе, кутаясь в шинель, и слушал, как где-то в темноте перекликаются миноносцы.

Виноградский подошёл, держа в руке фонарь с закрытым стеклом:

— Карл Петрович, миноносцы готовы. Ждём сигнала.

Бурлаков кивнул:

— Сигнал — три вспышки. Первая — атака с правого борта. Вторая — с левого. Третья — отход. Если кто-то собьётся — пусть зажигает фонарь и уходит в точку сбора.

Виноградский кивнул и убежал. Бурлаков повернулся к Стемману:

— Александр Фёдорович, как думаете, справятся?

Стемман пожал плечами:

— В темноте — вряд ли. Они же не привыкли.

Бурлаков усмехнулся:

— Вот и проверим.

Он поднял фонарь и трижды мигнул. Через минуту в темноте раздался рёв моторов, и восемь миноносцев, словно стая волков, ринулись к «Богатырю». Бурлаков смотрел, как они приближаются, и считал: «Один, два, три… семнадцать кабельтовых. Восемь… двенадцать…»

Первый миноносец вынырнул из темноты в десяти кабельтовых и выпустил учебную торпеду. Бурлаков засёк время: «Семь секунд. Медленно. В бою у них будет три».

Второй миноносец атаковал с левого борта, но сбился с курса и прошёл слишком далеко. Бурлаков поморщился: «Плохо. В темноте они теряют ориентацию».

Третий миноносец, под командованием Бахирева, действовал умнее: он подошёл почти вплотную, выпустил торпеду и тут же отвернул, ставя дымовую завесу. Бурлаков улыбнулся: «Вот это уже дело. Бахирев знает, что делает».

Учения продолжались до полуночи. К концу Бурлаков подвёл итог: два миноносца справились отлично, три — удовлетворительно, три — плохо. Он собрал командиров на палубе «Богатыря».

— Господа, — сказал он, — в темноте вы теряетесь. Это нормально. Но в бою японец не будет ждать, пока вы найдёте друг друга. Поэтому я предлагаю другое: не атаковать в темноте, а использовать темноту, чтобы подойти ближе. Атаковать на рассвете, когда видно, но ещё не полностью светло.

Виноградский кивнул:

— Разумно, Карл Петрович. На рассвете мы будем видеть их, а они нас — не сразу.

Бахирев добавил:

— И дым будет лучше виден. Мы сможем ставить завесу и уходить.

Бурлаков согласился:

— Именно. Завтра выходим к Хоккайдо. Атака — на рассвете. Вопросы?

Вопросов не было. Командиры разошлись по своим кораблям, а Бурлаков остался на палубе. Он смотрел на звёзды и думал: «Завтра будет первый бой. И я не знаю, чем он закончится. Но я знаю, что мои люди готовы. И это главное».

Стемман подошёл и тихо сказал:

— Карл Петрович, вы уверены, что стоит атаковать на рассвете? Может, лучше ночью, как они привыкли?

Бурлаков покачал головой:

— Нет. Ночью они теряются. А на рассвете — увидят цель и не промахнутся. Японцы не ждут нас на рассвете. Они думают, что мы придём ночью или днём. А мы придём на рассвете.

Стемман помолчал, потом сказал:

— Что ж, может, вы и правы. Завтра увидим.

Бурлаков кивнул и пошёл в каюту. Он знал: завтра будет первый бой. И он хотел быть готовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.